

ПЕРВЫЙ ДЕТСКИЙ ГОРОДОК ИМЕНИ КОМИНТЕРНА

ОДЕССА

32627

УИД/И
61604

УНДІП
ПЕРЕВІРЕНО
1962 р.

УНДІП
ПЕРЕВІРЕНО
1962 р.

8

Одеський Губернський Отдел Народного Образования
1922

ПЕРЕВІРЕНО
1981 р.

ОБЛОЖКА ПО РИСУНКУ МАРИИ ВРИ.

78228

ПЕРВЫЙ
ДЕТСКИЙ ТРОЛОК
ИМЕНИ КОМОДПЕРНА

От редактора

Книга о Детском Городке имени Коминтерна является вторым выпуском нашей серии „Опытов и Проблем Социального Воспитания“. Как и работа т. т. Шульмана и Ривеса— „От школы-коммуны № 1 к Детскому Городку имени Октябрьской Революции“,—новое издание представляет собою подробное описание возникновения, развития и деятельности едва ли не крупнейшего из существующих в Советской Федерации детских объединений.

Значителен, впрочем, не только масштаб изображаемого опыта. Внимания заслуживают и его внешние условия, и внутренняя жизнь Детского Городка, и выводы, вытекающие из объективного учета проведенной в нем работы. Можно утверждать с уверенностью: предлагаемый материал представит интерес для каждого, кто следит за развитием социально-трудовой педагогики нашего переходного времени.

Сторонники ориентации на Детский Дом, как на высшую форму учреждений социального воспитания, найдут в нашей книге достаточный материал для обоснования и укрепления своей позиции. В лице организаторов и ответственных работников нашего Детского Городка, равно как редакции и составителей посвященной ему книги они обретут своих убежденных единомышленников. Напротив, самую решительную оппозицию с той же

стороны встретит давно знакомая формула, — „Детский Дом есть институт призрения“. Пусть усиленно выдвигается эта формула сторонниками реставрации школы во что бы то ни стало. Пусть уверенно декларируется она с высоты государственной трибуны в речи Народного Комиссара Просвещения на последнем Всероссийском Съезде Заведующих Губернскими Отделами Народного Образования. Смущаться этим не приходится. Распада семьи в условиях капиталистической эксплуатации и классовых битв не заклать никакими формулами. От стихийного натиска детской беспризорности, несущей в учреждения Соцвосо осиротевших детей рабочих, красноармейцев, погибших от голода крестьян, бедноты, пережившей погромы, — не отгородиться заманчивыми вывесками „трудовой школы“ „школы-клуба“ и т. п.

Буржуазная педагогика не мыслила воспитания иначе, как в форме сотрудничества семьи—школы—государства. Все, остающееся за пределами этого законного союза, вызывало ее недоверие или пренебрежение. Схолиоцентрический уклон наших дней есть явный пережиток этой частно-собственнической идеологии. Принципиальная несостоятельность его слишком очевидна.

Бессильный подняться до концепции социального воспитания во всем ее объеме, он не удовлетворяет педагога-революционера. Зато как радостно подхватывают его консервативные элементы учительства и интеллигенции! Как охотно ищут в нем опоры мечтающие о возрождении старой гимназии!

Тем более решительным должен быть отпор этим тенденциям. Детский Дом приобретает ныне значение боевого лозунга. В Детских Домах и Детских Городках — командующие высоты Советского Социального Воспитания. Эти высоты надлежит сохранить и укрепить во что бы то ни стало. Здесь — благодарнейший материал для нашего педагогического воздействия. Здесь — зародыш социалистической общественности. Здесь — лаборатория для выработки искомого и недостающего нам педагога-коммуниста.

Первый выпуск нашей серии встретил сочувственный прием. С товарищеским приветом, с призывом и ободрением к борьбе за Детский Дом—посвящаем мы друзьям его эту книгу, выходящую к 5-ти летней годовщине Октябрьской Революции.

Вл. Потемкин.

Одесса, 1—XI—1922 г.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК составили

А. Г. ГОТАЛОВ-ГОТЛИБ,
В. А. ДОМБРОВСКИЙ и
Д. К. ТРЕТЬЯКОВ.

ОЧЕРК ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ составил

С. О. ЛОЗИНСКИЙ.

Исторический очерк возникновения и развития Городка

I.

ДЕТСКИЕ КОЛОНИИ НА ПРОЛЕТАРСКОМ БУЛЬВАРЕ И АРКАДИЙСКОЙ ДОРОГЕ ЛЕТОМ 1920 Г.

С первыми весенними днями 1920-го года Одесский Губнаробраз деятельно принялся за организацию летних детских учреждений. Внимание организаторов прежде всего было обращено на район Малого Фонтана и Аркадии; этот район был еще богат прекрасными дачами-особняками, очень удобными для летнего пребывания детей, и по своему местоположению более других частей города отвечал требованиям гигиены.

В течение мая и июня месяцев здесь было открыто тринадцать детских учреждений (садов и колоний), где было сосредоточено около семисот детей; эти дети явились впоследствии основным кадром Первого Детского Городка.

Что представляло собою это детское население?

В составе детей можно было наметить две основные группы: первая, более многочисленная,—воспитанники бывших городских приютов; вторая—дети беднейших кварталов города, впервые теперь ставшие предметом государственной опеки.

Особенно „трудными“ были дети первой группы: значительная часть их—попали в приюты из бывших воспитательных домов, куда с разных концов города свозились „подкидыши“, часто—дети случайных встреч и связей самых запущенных и обездоленных людей; среди этих случайных созданий большого города ¹⁾ многие—со следами тяжелой наследственности от родителей-алкоголиков,

Территория.

Состав детей:

а) дети приютов.

¹⁾ Многие не имеют фамилий, а так и значатся: „Безыменными“ „Неизвестными“ и т. п.

сифилитиков, дегенератов, туберкулезных и пр.; многие — с явными признаками дефективности, с резкими проявлениями психических и половых аномалий.

Жизнь детей в „приютах“ и „сиротских домах“ могла только усилить проявления дурной наследственности, а нормальному ребенку привить отрицательные черты. „Огромные комнаты“, вспоминает то время одна из воспитательниц, — „окруженные грязными стенами, вдоль которых — 20-30 кроватей, проплеванный пол, 2-3 тюремных окна; посреди комнаты — длинный стол с двумя скамьями по сторонам; вот та обстановка, в которой дети проводили почти все свое время. Здесь они спали, ели, занимались“. Воспитатели и режим соответствовали обстановке.

В революционные годы приютские дети Одессы, благодаря частой смене власти, испытали резкие колебания в своей судьбе и во всей окружающей их обстановке¹⁾, что также не могло не дать своих отрицательных результатов, не отразиться на внешнем и внутреннем облике детей.

„Внешний вид этих детей“, говорит одна из воспитательниц, встретившая первую группу приютских детей на Пролетарском бульваре, — „был удручающий: лица и головы почти у всех были покрыты гнойными язвами“. При общей физической запущенности, или, вернее, в связи с ней, для детей, поступавших из старых

¹⁾ Так в 1919 г. при Советской власти заботу о детях приютов взял на себя под'отдел охраны детства Соцобеса. Забота о детях была поставлена на первый план, и дети это ясно чувствовали; они были переведены из своих прежних мрачных помещений на лучшие дачи и в лучшие дома города; для них устраивали ряд праздников и развлечений; они постоянно получали гостинцы, подарки и пр. В шествиях по городу во время пролетарских праздников (1-го мая и др.) они шли впереди всех: им были первые приветствия и главное внимание. Через четыре месяца пришли добровольцы, и картина резко переменялась: дети были выселены из занятых ими помещений, им была прекращена выдача довольствия, они разбрелись по городу и собственными силами добывали себе пропитание, большинство из них было водворено обратно в свои прежние приюты на жизнь, худшую прежней. Так продолжалось все время пребывания добровольцев. После прихода советской власти в 1920 г. — дети опять стали предметом внимания и заботы. Эта постоянная и крутая перемена общих условий, обстановки, питания, отношения к детям со стороны окружающих — трепала нервы, делала детей истеричными, заставляла с недоумением смотреть на окружающих людей: вчера одних, с такими взглядами и требованиями, завтра — с другими. Да и общая обстановка гражданской войны, уличные бои, артиллерийская канонада, иногда обстрел тех помещений, где были дети (так было в августе 1919 года — когда добровольцы обстреливали артиллерийским огнем территорию 6. кадетского корпуса, где в то время помещались четверста человек детей), — все это не могло не наложить своего резкого отпечатка на детскую душу.

приютов, характерна какая-то озлобленность и враждебное отношение к окружающим. „Все это худосочное, вялое наследие старо-режимных учреждений напоминало собою забытых, диких зверенышей“; „дети были чужды друг другу и проводили целый день в драке и ругани“.

Слабые, забытые и робкие на вид, они были насквозь пропитаны каким-то антиобщественным духом и в этом отношении проявляли чрезвычайное постоянство и упорство, считая, повидимому, такие отношения совершенно нормальными. Ребенок, уличенный в том, что взял игрушку или какую-нибудь вещь товарища и запрятал ее, объяснял свой поступок так: „А зачем пропала моя картинка? — вот потому я и сделал!“

Старшие дети, в общем, мало чем отличались от младших, но в некоторых уже проявлялись резкие отрицательные черты. По описанию одного из воспитателей, это были либо „дикие, запуганные существа, либо дерзкие и смелые преступники 13—15 лет. Воровство было обыденным явлением для всех, за малыми исключениями“. „Среди детей“, говорит другой воспитатель, „было распространено попрошайничество, воровство; они были очень грубы; по старой привычке ходили на базар попрошайничать и, при случае, воровать“. Занятия, игры, чтение совершенно не интересовали огромного большинства; ко всему этому в массе своей дети проявляли полную инертность и безучастность. „Ничто, кроме еды, их не интересовало. Что бы вы им ни предложили, ответ был неизменно один: „та-а-а! не. хбчу! не пойду!“ и т. п.“

К воспитательницам многие из детей относились очень недоверчиво и даже враждебно: „воровки, обжоры“—то были обычные клички, которыми они их награждали в глаза. У многих детей всякое замечание, малейшее противодействие их желаниям или поступкам вызывало истерические вопли, брань, неистовство,—вообще самый грубый отпор.

„Пошла вон, воровка!“ кричали они: „Чего пришла эта тетка (воспитательница)? Я ей голову провалю!“ и т. п.

Приютская жизнь выработала в массе детей специфический жаргон, вызывающую манеру разговора. Постороннего человека при посещении учреждений могли встретить нецензурными ругательствами, демонстративными вопросами о царе и т. п.

Другая, сперва незначительная, но постепенно все увеличивавшаяся группа детей были „дети улицы“. Их матери— большей частью, вдовы, поденщицы, прачки, мелкие торговки, проводящие целые дни в напряженной борьбе за существование,

б) дети
улицы.

предоставляли своих детей улице,—воспитательнице, правда, не худшей, чем старые приюты, но и едва-ли лучшей. Немало среди „детей улицы“ было и круглых сирот, находившихся до сего времени на попечении какой-нибудь тетки, бедствующей и обремененной своей собственной семьей. Многие из этих детей провели свое детство „в сырых и темных подвалах, питаюсь коркой ржаного хлеба, поданой им сердобольной соседкой“. И это — не самое худшее, что пережили дети за первые годы своей жизни¹⁾.

Прежнее положение страшно отразилось на их психике; жадные до всего „наущного“, они в первое время, как голодные волки, набрасывались на обед и завтрак. Бывали случаи жестоких схваток за лишний кусочек хлеба, не раз пускались в ход чайные кружки. Дети никогда не видели ни книг, ни педагогов; школьная и, в особенности, интернатская обстановка была для них совершенно чужда; в первое время они ко всему и ко всем относились подозрительно, — особенно, если дело касалось хозяйства и питания. Эта группа детей во многом напоминала „приютских“; но она все же проявляла больше жизни, больше инициативы, веры в себя и в окружающих, больше интереса к играм, занятиям и пр.

Кроме указанных двух больших групп, были и другие дети: дети красноармейцев, дети погибших во время революции рабочих, дети беженцев и др. Была также и небольшая группа бывших институток. Но главную массу детей составляли две упомянутые категории; они задавали тон жизни детским учреждениям Пролетарского Бульвара.

Управле-
ние дет-
скими
колониями

Все дети размещались, как указано выше, в 13 колониях; младшие, дошкольники — в детских садах-коммунах, старшие (от 7 до 15—16 лет) в школах-коммунах.

Детские учреждения имели общий хозяйственный аппарат, но в административном и педагогическом отношениях они ничем не были связаны, так как ни комитет служащих, ни коммуни-

¹⁾ Пишущему эти строки приходилось неоднократно бывать в упомянутых жилищах. Помнится, летом 1919 года, из организованной тогда Первой школы-коммуны ушла семилетняя девочка; по адресу, бывшему в делах школы, удалось розыскать дом, где она жила; — на самой окраине города, на третьем дворе, грязном и заваленном всяким хламом, мне указали дверь, ведущую в подвальное помещение; две комнаты-клетушки, совершенно темные, несмотря на яркий солнечный день; ни следов мебели, грязные, сырые стены. „Кто там?“ спрашивает откуда-то из темного угла детский голос. В углу, на каком-то подобии кровати, из груды тряпья, выглядывает головка беглянки рядом с ней другая. Из распросов выяснилось, что девочка ушла домой, потому-что беспокоилась о маленькой трех-летней сестре, которая оставалась одна: мать уже несколько дней как уехала в деревню „что-нибудь заработать или обменять“. Второй день дети ничего не ели и были совершенно одни.

стическая ячейка, исполнявшие свои специальные функции, не могли создать этой связи.

Состав педагогов был самый пестрый. Рядом с молодыми Педагоги. силами, не обладающими еще достаточными опытом, но одухотворенными искренней верой в свое призвание, желанием учиться и трудиться, нередко фигурировало юное верхоглядство, соединенное с самомнением без меры и дилетантской стремительностью; рядом с группой педагогов старой школы, искренно ставших под новое знамя, стояла более многочисленная группа людей, готовых кормиться у преддверия любого святилища, апатичных и трусливо-лицемерных. И вся эта масса педагогов была лишена всякой организации.

К концу лета детские учреждения представляли собою Состояние чрезвычайно пеструю, но в общем далеко неутешительную картину. учрежде- Наряду с организованными в педагогическом отношении комму- ний. ными (польской № 6, отчасти белорусской № 10), были коммуны, дошедшие до последней степени разложения (напр. школа-коммуна № 8). Национальные коммуны, в общем, стояли несколько выше в организационном и педагогическом отношениях, чем те коммуны, в которых преобладающим элементом были русские дети, и которые носили название интернациональных (№№ 5, 7 и 8). В отношении оборудования удовлетворительным был только детский сад № 1, но и там не было игр и учебных наглядных пособий. В большинстве же коммун обстановка была нищенская. Дети часто бывали одеты в грязное рубище. Совершенно не имелось ни постельного, ни носильного белья, ни одежды, ни обуви. Из-за недостатка кроватей дети спали по двое в одной кровати или прямо на голых досках пола. Отсутствие белья имело последствием распространение среди детей чесотки, которой заражались и педагоги. К концу лета на почве недоедания некоторые дети болели нарывами на теле. Недостаточная пища склоняла детей к хищениям не только овощей с чужих огородов, но и белья и других вещей — для перепродажи. Среди 13 колоний одна была для нервных детей, другая для социально-запущенных. Но и в других колониях (коммунах) было (как это видно из сказанного выше) немало социально-запущенных и нервно-дефективных детей, которые не изолировались от здоровых, благодаря чему работа педагогов осложнялась до крайности.

Врачебный надзор за детьми, лежавший на обязанности органов здравоохранения, почти отсутствовал. Детская больница (на даче б. Чацкина), обслуживавшая детские учреждения, представляла собою печальный образец дезорганизации и халатности. Выпи-

саннные из больницы дети помещались „для поправки“ в санаторию (дача б. Бельского). Какова была эта санатория, видно из следующего места доклада: „Обстановка жалкая, нищенская. Имеется собственная кухня, но только одна кастрюля на 32 детей, не считая сотрудников. Молоко скисает, так как его не в чем кипятить. Врачи и воспитательницы поражают своей растерянностью; организации никакой не видно; дети слоняются без призора, теряя все навыки, полученные в детской коммуне, откуда они прибыли, голодают и деморализуются. Эта санатория не только бесполезна, но прямо таки вредна“.

Характеристика хозяйственного аппарата.

Для характеристики общего хозяйственного аппарата этих колоний достаточно процитировать приказ по Губнаробразу на имя одного из ответственных работников: „Детские колонии по Французскому бульвару в хозяйственном отношении поставлены весьма неудовлетворительно, сотрудники не на высоте положения. Предлагаю вам в кратчайший срок сменить неудовлетворительный состав сотрудников по хозяйству, дабы вывести это дело из невозможного состояния“¹⁾.

Отсутствие согласованности в работе учреждений.

Все эти неурядицы, отсутствие внутреннего об'единения в территориально-связанных учреждениях, а также приближение зимы,—невольно направили мысль руководителей Губнаробраза к реорганизации всего дела.

Сама собою напрашивалась идея „Детского Городка“, не механически, а органически об'единяющего школьные учреждения; однако, идея была чужда большинству сотрудников; каждый знал лишь свою школу и только о ней думал. Печальный опыт прошлого, когда более сильные ведомства отнимали у Наробраза одну за другой лучшие дачи, которые, как дачи б. Мищенко, Пташникова, доставались Наробразу после месячных хлопот по Жилотделу и канцелярии Ревкома, внушал, вообще, мало доверия к способности Наробраза провести зимнюю кампанию, вследствие чего заведующие школами на свой страх и риск принимались подыскивать и устраивать помещения в городе. Общее собрание сотрудников детских колоний по Пролетарскому бульвару достаточно бурно реагировало на доклад о предполагаемой организации Городка, и председателю стоило много труда и такта, чтобы привести собрание к отрицательной оценке сепаратных выступлений отдельных заведующих школами и к сознанию необходимости сосредоточить всю энергию на создании Городка.

¹⁾ Приказ по Губнаробразу № 209 от 8 октября 1920 г.

II.

ГОРОДОК.

Инициатива практического осуществления идеи „Детского Городка“ в Одессе принадлежит бывшему председателю одесского Революционного Комитета т. Шумскому. Об'езжая в июле 1920 года с заведующим губернским карательным отделом т. А. Никулиным места заключения, т. Шумский посетил, между прочим, концентрационный лагерь, который помещался в то время в зданиях б. кадетского корпуса, между 4-ой и 5-ой станциями по Среднефонтанской дороге. Т. Шумский признал ненормальным, чтобы лица, отбывающие наказание, пользовались столь удобным и даже роскошным помещением, в то время, как детям приходится нередко жить в тесноте и в антисанитарных условиях. Тогда-же было принципиально решено очистить здания и усадьбу б. кадетского корпуса, а также расположенный против этих зданий поселок „Самопомощь“, перевести сюда десятка два детских интернатов и соединить их в одну организацию, с общим хозяйством и управлением¹⁾. Эта мысль была энергично поддержана губернским отделом народного образования, который, приняв от б. под'отдела охраны детства Соцобеса значительное число „детских колоний“, развернув у себя мощный аппарат в виде под'отдела социального воспитания детей и приступив к осуществлению программы по интернированию детей дошкольного и школьного возрастов, ощущал крайний недостаток в помещениях, более или менее приспособленных для детских обществ—коммун.

Практическое осуществление идеи Детского Городка.

¹⁾ Изложенные обстоятельства сообщены А. В. Никулиным.

12-го июля при одесском Революционном Комитете, согласно телеграфному распоряжению из Харькова, был организован Совет Защиты Детей, под председательством предревкома, с широкими полномочиями в смысле высшего руководства и наблюдения за деятельностью тех губернских отделов, в ведении которых находились дети,—главным образом, разумеется, за деятельностью губернского отдела народного образования¹⁾.

С этого момента вопрос о „Детском Городке“ входит в фазу практической постановки. Из Совета Защиты Детей была выделена особая инструкторская коллегия (бюро), с т. Никулиным во главе; эта коллегия являлась исполнительным органом и техническим аппаратом для выполнения срочных заданий Совета²⁾. В заседании Совета 11-го августа 1920 г. было предложено Губнаробразу и Губздравотделу выработать план устройства „Детского Городка“³⁾, а т. А. Г. Готалову-Готлибу было предложено приступить к организационным работам, установив полный контакт с инструкторской коллегией Совета Защиты Детей⁴⁾.

Вопрос о месте, где должен был расположиться „Городок“, впрочем, еще не был окончательно решен; некоторые члены Совета Защиты Детей склонялись в пользу другой местности, а именно, „Отрады“, расположенной ближе к центру города, чем здание кадетского корпуса и поселок „Самопомощь“. Вопрос этот дебатировался в заседании Совета Защиты Детей 18-го августа; после доклада т. Крупко, т. Шумский высказался в пользу зданий кадетского корпуса и поселка „Самопомощь“; в этом смысле и состоялось постановление Совета, предложившего Губнаробразу организовать администрацию „Городка“, предварительно обследовав помещения, предназначенные для детей⁵⁾. Подробному обследованию подверглись не только здания б. кадетского корпуса и поселка „Самопомощь“, но и группа „детских летних колоний“ по Пролетарскому (б. Французскому) Бульвару и в „Аркадии“, которые должны были составить первоначальное ядро будущего „Городка“.

¹⁾ Протокол № 1 Совета Защиты Детей от 12 июля 1920 г.

²⁾ Протокол Совета Защиты детей № 8 от 11 августа, пункт 7а и № 10 от 25 августа, пункт 4.

³⁾ Протокол Совета Защиты Детей № 8, пункт 7г.

⁴⁾ Приказ по Губнаробразу за № 169 от 17 августа, § 1.

⁵⁾ Протокол Совета Защиты Детей № 9 от 18 августа, пункт 2 а и .
К сожалению, протоколы Совета Защиты Детей редактировались весьма неудовлетворительно, в смысле полноты и ясности.

Фиг. 1. Главное здание Одесского кадетского корпуса.

Фиг. 2.

Спальня маленьких.

Результатом обследования явился обильный конкретный материал, который и был доложен в Совете Защиты Детей в заседании 25 августа ¹⁾.

Здания кадетского корпуса, достаточно новые и великолепно приспособленные для целей военной школы, занимают около 2 десятин, к которым примыкают до 20-ти десятин свободной земли. Корпус имеет свою электрическую станцию, центральное отопление. Но при всех выгодах, обширные пространства столовой и дортуаров не подходили для размещения в них детских учреждений и могли бы быть использованы разве для больницы, изоляторов, курсов, лекций и т. д.

Бывший
Кадетский
Корпус.

Интернаты можно было зато целесообразно разместить в отдельно построенных флигелях, каждый в 3 этажа, вмещавших 26, так называемых, офицерских квартир, в общем 130 комнат, не считая кухонь, ванн и т. п. Квартиры светлые, сухие, сохранившиеся в очень удовлетворительном состоянии.

В зданиях и службах бывшего кадетского корпуса предполагено было поместить центральную базу „Городка“ (центральная кухня, столовая, клуб, театр, кино, библиотека, лаборатории, классы, лазарет, амбулатория, аптека, мастерские, баня, прачешное помещение и площадки для физической культуры, участок для садоводства и огородничества и т. п.). По этому плану предполагалось не помещать детей в дортуарах казарменного типа, что вообще противоречило намечавшимся принципам „Детского Городка“, в основе которого лежала идея гармонического сочетания небольших детских групп-коммун. Только „директорскую“ и „офицерские“ квартиры предполагалось занимать детьми школьного возраста, группами по 20-30 детей в каждой квартире. Прилегающий к усадьбе лагерный участок мог быть использован под огород, обслуживаемый объединенными силами детей и педагогов, как поприще для воспитательного и вместе производительного труда.

Детские сады-интернаты предполагалось устроить в поселке „Самопомощь“. В количестве 80 слишком, особняки-коттеджи „Самопомощи“, расположенные на пространстве 18-ти десятин, занимая каждый усадьбу около 200 кв. сажен, возделанную под сады и цветники, представляли как нельзя лучшую возможность окружить детей интимной, спокойной и радостной атмосферой.

Поселок
„Самопомощь“.

¹⁾ Протокол № 10, пункт 7г, содержит лишь несколько фраз из доклада; наиболее существенное не зафиксировано, но за то сохранился подлинник доклада, выдержки из которого даны в тексте этой главы.

Поселок „Самопомощь“ представлял собой неоконченный застройкой город - сад, возникновение которого относится к 1912 г. Дачи, красивой внешности, построены по последнему слову техники, снабжены всеми удобствами, доступными для владевших ими представителей средней буржуазии (капитан дальнего плавания, крупный чиновник акцизного ведомства, генерал-пенсиянер, профессора с большими гонорарами и побочными источниками заработков и т. д.).

В 1920 г. намечено было использовать более крупные особняки, из числа которых немногие были даже свободными от жильцов; однако заселению поселка „Самопомощь“ пришлось немедленно наткнуться на серьезнейшие препятствия. В поселке нет канализации, а это обстоятельство могло повлечь за собой тяжелые в санитарно-гигиеническом отношении последствия, связанные с переполнением выгребных ям, разрушением деревянных полов особым грибок в некоторых дачах-особняках и т. п. Вопрос о пригодности поселка должен был окончательно решить Совет Защиты Детей на основании специальной врачебной экспертизы.

По предположению организатора „Детского Городка“ в зданиях кадетского корпуса можно было поселить в 1920-21 г. не свыше 700 детей школьного возраста, а в 30 особняках „Самопомощи“ до 600 дошкольников, в общем до 1800 детей с соответствующим числом педагогов и технического персонала. Производить опыт в более широком масштабе он считал рискованным. При благоприятных условиях можно было развернуть „Городок“ до 2000 человек, но не выше. Большая нагрузка „Городка“ человеческим материалом угрожала, по мнению организатора, превращением этого деликатного учреждения в бесформенную, неудобоуправляемую массу. Между тем в Совете Защиты Детей были влиятельные члены, которые настаивали на переброске в „Городок“ 10.000 детей! Побороть это пристрастие к большим числам было очень трудно. Приходилось доказывать, что емкость зданий имеет свои пределы, что казарменная скученность детей разрушит основные принципы „Детского Городка“ и что, наконец, снабжение столь грандиозного учреждения будет представлять собою неразрешимую задачу.

Регламент
Городка.

Юридическое положение будущего „Городка“ определялось следующим приказом Губнаробразу¹⁾:—а) Организуемый Советом Защиты Детей Детский Городок находится в исключительном

¹⁾ Приказ № 178 от 27 августа 1920 приводится здесь в извлечении.

ведении Губнаробраза; заведующий „Детским Городком“ руководит в хозяйственном, административном и учебно-воспитательном отношении всеми учреждениями и служебным персоналом „Городка“; в) для составления положения о „Городке“ и разработки в кратчайший срок детального плана по организации и управлению „Городком“ назначается при Губнаробразе временная комиссия. На основании осмотра территории и зданий „Городка“ при участии архитектора и врача, комиссия должна в кратчайший срок представить смету ремонта зданий, план организации на территории „Городка“ центральной базы и системы учебно-воспитательных учреждений, план и смету оборудования этих учреждений, штаты и финансовую смету „Городка“ до конца 1920 г.

Положение о „Городке“ было утверждено заведующим Губнаробразом 5 октября. Текст его приводится здесь целиком.

Положение о „Детском Городке“ Одесск. Губнаробраза.

УТВЕРЖДАЮ

Я. Ряппо.

5-Х 1920.

Ст. 1. „Детский Городок“ состоит в непосредственном ведении Одесского Губнаробраза.

Ст. 2. а) В состав „Городка“ входят детские коммуны школьного и дошкольного типа и иные учреждения, число и назначение коих определяется Губнаробразом. б) Совокупность вышепоименованных учреждений составляет коммуну „Городка“.

Ст. 3. Устав и штаты „Городка“ утверждаются Одесским Губнаробразом.

Ст. 4. Штаты и учебно-воспитательные планы детских учреждений школьного и дошкольного типа, входящих в состав „Городка“, сообразуются с однородными учреждениями У. С. С. Р.

Ст. 5. Уставы и штаты иных учреждений, могущих открыться при „Городке“ сверх упомянутых в предшествующей статье, утверждаются Губнаробразом дополнительно.

Ст. 6. Заведующий „Детским Городком“ назначается Губнаробразом из числа лиц, наиболее авторитетных в деле воспитания и обучения детей.

Ст. 7. а) Все лица и учреждения, входящие в состав „Детского Городка“, непосредственно подчиняются заведующему

„Детским Городком“ в учебно-воспитательном и административно-хозяйственном отношениях. б) Сотрудники „Детского Городка“ избираются заведующим „Городком“ и утверждаются в занимаемых ими должностях Губнаробразом. Тем же порядком производится перемещение сотрудников „Городка“ с должности на должность и увольнение их от должности.

Ст. 8. а) На заведующего „Городком“ возлагается: 1. Общее направление учебно-воспитательной части в детских учреждениях согласно с изданными на сей предмет распоряжениями советского правительства и 2. Наблюдение за правильностью действия хозяйственного и административного аппаратов. б) В необходимых случаях заведующий „Городком“ издает, в пределах своей компетенции, приказы, копии коих сообщаются Губнаробразу.

Ст. 9. В развитие положений предшествующей статьи издаются инструкции по управлению „Городком“.

Ст. 10, а) Заведующий „Детским Городком“ и его помощники по учебно-воспитательной части могут преподавать в детских учреждениях, первый—по своему выбору, остальные—по указанию заведующего „Городком“. б) Число платных уроков, даваемых из упомянутых в сей ст. лиц, не должно превышать 6 в неделю.

Ст. 11. Все дети, состоящие в учреждениях „Городка“ получают за счет советского правительства воспитание, обучение, одежду, обувь, белье, учебные пособия, медицинскую помощь, пищевое и иное довольствие.

Ст. 12, а) Сотрудники „Детского Городка“ пользуются, по установленным нормам, квартирами, а также пищевым довольствием и медицинской помощью. б) Дети сотрудников „Городка“ в возрасте от 4 до 15 лет воспитываются в учреждениях „Городка“, на общих основаниях.

Ст. 13. Для сношений с городом при „Детском Городке“ состоят в достаточном числе транспортные средства.

Ст. 14. Базисные склады и кладовые „Городка“, составляя самостоятельный хозяйственный аппарат, получают непосредственно от распределительных органов отопительные, осветительные, продовольственные и иные припасы на продолжительные сроки вперед. Отчетность составляется на общих основаниях.

Ст. 15. При „Городке“ могут быть учреждены: молочная ферма и иные хозяйственные учреждения, а также мастерские для производств по дереву, металлу и пр. для показательных и производственных целей.

Ст. 16. Земельные участки, находящиеся в черте „Детского Городка“, обрабатываются входящими в состав „Городка“ коммунами для показательных и производственных целей. Для тех-же целей могут быть отведены „Городку“ и прилегающие земельные участки.

Ст. 17. При „Детском Городке“ состоят: больница, амбулатория, аптека, библиотека, клуб и т. п.

Ст. 18. „Детский Городок“ имеет свою печать.

Между тем приближалась осень, и как раз в 1920 г. уже к концу августа начались ночные заморозки. Организатор „Городка“ настаивал в Совете Защиты Детей на скорейшем разрешении вопроса о помещении для „Городка“, так как, в противном случае, дети могут очутиться в катастрофическом положении на своих летних дачах на Пролетарском Бульваре. Совет Защиты Детей тогда же постановил предложить жилищному отделу освободить в недельный срок 40 особняков в поселке „Самопомощь“¹⁾.

Замедлен-
ные пере-
вода детей
в Городок.

В заседании Совета Защиты Детей 1 сентября организатор „Городка“ вновь энергично настаивал на том или ином решении вопроса в окончательной форме²⁾. Наступили уже редкие в Одессе в такую пору холода, и бедные дети, полураздетые, спавшие нередко на полу, невероятно страдали. Важно было получить помещение б. кадетского корпуса, для чего требовалось выселить оттуда концентрационный лагерь. Председательствовал в Совете Защиты Детей т. Клименко.

Состоялось совершенно неожиданное решение: „В виду того, что здание б. кадетского корпуса будет занято под эвакуационный пункт для военно-пленных, число коих весьма значительно, и в виду того, что еще ожидается прибытие большой партии военно-пленных,— немедленное освобождение кадетского корпуса невозможно, вопрос о „Детском Городке“ с очереди снять“. Таким образом дело, на которое было потрачено столько энергии, повидимому, рисковало окончательно провалиться, детям же грозила очень горькая участь. О положении детских учреждений, главным образом, на Пролетарском Бульваре, красноречиво говорит доклад т. Никулина в заседании Совета Защиты Детей 10 сентября 1920 г.³⁾. По словам докладчика,

¹⁾ Протокол № 10 пункт 7г от 25 августа 1920 г.

²⁾ Протокол № 11 от 1 сентября.

³⁾ Протокол № 12, пункт 1.

обследование детских учреждений выяснило их катастрофическое состояние в смысле совершенного отсутствия носильного и постельного белья, теплого платья и обуви; дети положительно раздеты и мерзнут от ночных холодов. Главнейшая причина тяжелого положения этих учреждений заключается в совершенно индифферентном отношении заготовительных и распределительных учреждений (Опо, Опродкомгуб и др.). В том же заседании председатель Ревкома т. Клименко отметил, что за 6 месяцев Советской власти в Одессе ничего не было сделано для детей, и среди осени еще приходится думать об организации детских учреждений. Наконец, в том же заседании 10 сентября окончательно был решен вопрос о поселке „Самопомощь“. Комиссия, обследовавшая поселок, разошлась во мнениях. Представитель Губздравотдела считал поселок неподходящим для „Городка“ местом из-за отсутствия канализации; представители Губнаробраза и жилищного отдела признавали этот мотив несущественным, приводя, между прочим, следующее соображение: какие-бы дефекты не имел поселок, но жизнь в нем несравненно гигиеничнее и радостнее, чем в тех трущобах, в которых приходится ютиться детям бедноты. Представитель жилищного отдела констатировал, что освобождение 30 особняков в поселке можно будет провести в течение 5 дней совершенно безболезненно.

Постановлено было: предложить жилищному отделу спешно приступить к освобождению поселка „Самопомощь“ от жителей.

Возвратившийся из поездки заведующий Губнаробразом т. Я. Ряппо взялся за осуществление „Детского Городка“. 10-го сент. 1920 г. последовал приказ по Губнаробразу¹⁾ о том, чтобы 13-го сентября было приступлено к переводу детей из летних колоний в открывающийся „Детский Городок“. Однако, так как здания б. кадетского корпуса еще были заняты концентрационным лагерем, то пришлось довольствоваться пока подготовительными работами.

Меры к
переселе-
нию.

Крайне важно было, чтобы перевод многочисленных детских садов и школ-коммун на новые места происходил планомерно и без спешки. В этих целях организатором „Городка“ были приняты следующие меры: 1) были проведены общие собрания сотрудников с дискуссиями по различным техническим и организационным вопросам; 2) была назначена особая комиссия из ответственных сотрудников „Городка“ для руководства работами по перемещению учреждений, 3) в период самой интенсивной

¹⁾ Приказ № 185, §§ 4 и 5.